

Миронов. А

1986/IV
155

127 АПР 1986

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Народного артиста РСФСР Андрея Миронова знают все. Он талантливо проявил себя в кино, театре, на эстраде. Зрителям нравится его темперамент, острота актерского рисунка, легкость, виртуозность игры, когда он словно бы импровизирует на наших глазах. Но это не только «дар природы», а подкреплено упорной, непрерывной работой над собой, стремлением не останавливаться в поиске. Здесь корни органичности воплощаемых им разноплановых персонажей и того, почему он успел так широко шагнуть в искусство.

— Трудолюбие унаследовано вами, Андрей Александрович, от родителей, известных эстрадных артистов... И актерские способности, очевидно, обнаружили рано?

— Спасибо, что вы хорошо обо мне думаете, но я был обыкновенным ребенком. Мое детство пришлось на первые послевоенные годы. Телевизоров в домах еще не было, и после уроков мы гурьбой мчались в кино. Дневной сеанс — зал битком! Вот вспыхнул экран, и ожили героические сражения войны. Со всей детской непосредственностью мы хлопаем, подпрыгиваем с мест, кричим «ура»...

Тага приобщиться к героике привела меня, школьника, на спектакли Центрального театра Советской Армии, главным режиссером которого в те годы был Алексей Попов. Все увиденное там: монументальность архитектурного облика, выразительность интерьера, достоверность декораций, а главное — самоабзадность игры актеров — сформировало мое представление о Театре и, признаюсь, во многом определило выбор профессии.

Актерские удачи Андрея Миронова на сцене, на кино- и телеэкране подтвердили, насколько верным оказался выбор. Уже не раз пробовал он свои силы и как режиссер. К 40-летию Победы Миронов поставил пьесу-концерт «Прощай, конференсье!», где исполнил также главную роль. То, что еще за квартал до входа в Московский театр сатиры звучало: «Нет лишнего билети-

ка?» — лучшее свидетельство успеха постановки.

Музы не молчали — таков ее жизнеутверждающий лейтмотив. Попавшая в трагическую ситуацию фронтовая бригада советских артистов не складывает своего оружия. Узнав, что партизаны подложили в клубе фашистам бомбу, конференсье соглашается выйти на сцену. Он мобилизует весь свой искрометный талант для развлечения врагов: ведь надо побольше

конференсье, как бы посредник между артистом и зрителем, нужен в концерте, если способен внести своеобразие и оживление в программу. Вызвать в зале смех иногда сложнее, чем слезы. А чтобы найти контакт с сегодняшним зрителем, конференсье должен обладать и разносторонним артистизмом, и высоким интеллектом.

— Перед нашим разговором вам вручили обширную почту: открытки, письма,

зизию исполнителя роли, глубину его веры — без этого невозможен контакт с залом, да и нет подлинного творчества.

— Вы сказали, что стараетесь обогащать своих героев наблюдениями реальной жизни. А если вам доведется создавать образы людей военной профессии?

— Тогда ориентиром станут близкие, хорошо знакомые мне люди. По их цельным, мужественным натурам,

И с ними лучше вести прямой, серьезный разговор.

— Во время гастрольных поездок, в том числе и к воинам, вас, конечно, мгновенно узнают еще до выхода на концертные подмостки. Ведь по кино- и телеэкрану всем так знакомы эти сугубо «мироновские» балагуры, повесы и жулики, пройдохи. Взять хотя бы Остапа Бендера в телефильме «Двенадцать стульев», Гену-Графа в «Бриллиантовой руке», Ми-

привлекали контрастные краски, нелепые характеры, неожиданные ситуации. Я с наслаждением проделывал всякие трюки, не допуская участия каскадеров (например, в роли капитана милиции Васильева — героя фильма «Невероятные приключения итальянцев в России»), чрезмерно увлекался комичностью, шутовством. Но потом понял, что в комедийной роли можно и важно отыскать глубокую, серьезную мысль. Обличая хамство, невежество, мешанство, я стремился обнажить внутреннюю драму человека, показать у него проблески понимания того, что жизнь не состоялась, прожита впустую. В этом мне прекрасно помогает объектив кинокамеры, с чьей помощью зрители могут заглянуть в глаза персонажей. В последние годы мои киногерои все меньше предаются буффонаде, думаю, это заметно по фильмам «Будьте моим мужем», «Мой друг Иван Лапшин», «Победа» и другим.

— Вы уже разносторонне раскрылись как актер, испытали себя в театральной режиссуре. Может быть, следующий шаг — самому написать пьесу или сценарий? Тем более что вы приобщились к миру и психологии военного писателя Всеволода Вишневского, сыграв в спектакле «У времени в плену».

— Это одна из самых любимых моих ролей. Александром Штейном пьеса задумана как героическая фантазия на тему Всеволода Вишневского. Я играю не впрямую Вишневского. Мой герой носит лишь имя Всеволод. Но в его обобщенном образе пульсирует беспокойная мысль и горячее сердце патриота, гражданина, автора «Первой Конной», «Оптимистической трагедии», «Мы из Kronштадта», пронесшего свой революционный энтузиазм через всю жизнь. Заряженный верой и страстью, романтический спектакль идет на нашей сцене многие годы.

Что касается возможности обратиться к литературному труду, то пока я подобного таланта в себе не обнаружил.

— Как вы заметили, что рассмешить зрителя иногда труднее, чем вызвать у него слезы. А актера? Рассмешить, например, самих артистов Театра сатиры?..

— Ну если заподозрить у них отсутствие чувства юмора, то сложно. Вообще-то много добрых поводов для улыбок дают нам зрители. Вспоминается такой случай. Уже давно привыкли мы к очереди у кассы театра и зимой, и летом. А тут, идем на репетицию — нет очереди! Ни единого человека... Прямо оторопели: неужели бойкот публики? Подходим ближе и видим на стене тетрадный лист, на нем грозное — «Вторую очередь не создавать!» А ниже мелким, дрожащим почерком: «По случаю сильного мороза все пошли погреться рядом в метро». Стало радостно, трогательно и смешно.

— И, наконец, согласны ли вы, Андрей Александрович, ответить на традиционный вопрос?

— Согласен? Я ждал его, чтобы использовать возможность и ответить на письма, в том числе военных, занимающихся вопросом о творческих планах. Недавно театр выпустил спектакль — политическую драму публициста-международника Федора Бурлацкого «Время решения» в постановке Валентина Плучека. Этой работой, посвященной XXVII съезду КПСС, мы стремимся внести посильный вклад в дело борьбы за укрепление мира.

В качестве режиссера я занят сейчас постановкой пьесы Салтыкова-Щедрина «Тени». А в кино получил приглашение режиссера Аллы Суриковой сниматься в комедийном, приключенческом фильме «Человек с бульвара Капуцинов» — о порождении кинематографа. Собираюсь также значительно обогатить свой эстрадный репертуар, так как мои песни, монологи изрядно «заезжены» на телевидении и на радио. Словом, полон желания приложить максимум усилий, чтобы оправдать интерес зрителей к моей работе.

Игорь ГОЛЬДИН.

Андрей МИРОНОВ:

Встречи по вашей просьбе

ОПРАВДАТЬ ИНТЕРЕС ЗРИТЕЛЕЙ

удержать их в зале, пока наконец не сработает часовой механизм бомбы.

— Андрей Александрович, я заметил в театре, что некоторые персонажи легко узнаваемы людьми военного поколения. Может быть, в основу произведения положены реальные события?

— Да, и события, и люди. Вместе с автором пьесы Григорием Горниным мы старались придать ее героям черты, характерные для актеров старшего поколения. Искали их в книгах, воспоминаниях, кинохронике. Использованы в пьесе и страницы истории Театра сатиры. В 1941-м, в трудные дни боев под Москвой погибла одна из его фронтовых бригад. Имена этих актеров-патриотов — на мемориальной доске, установленной в фойе нашего театра. В создании спектакля мне помогли также советы матери, которая вместе с отцом выезжала на фронт в составе концертных бригад.

— Особо привлекательный для публики, непременный участник эстрадных программ 40—50-х годов — конференсье. В наши дни он начинает, фигурально говоря, сходиться со сцены. Как, по-вашему, это — необратимо?

— Я часто задаю себе подобный вопрос... Хороший

бандероли. О чем спрашивают, что пишут ваши корреспонденты?

— Приток писем возрастает после выхода на экран нового фильма. Спрашивают о разном. «Правда ли, что актриса Лариса Голубкина ваша жена?» — этот вопрос девушки будут задавать мне, кажется, до нашей с Ларисой Ивановной золотой свадьбы. Но все же больше повторяется: «Как стать артистом?» Из воинских частей пишут преимущественно участники художественной самодеятельности. Интересуются моментами актерской биографии, расспрашивают, как отыскать пути к сердцам зрителей.

— И что же тут главное?

— Работа над каждой новой ролью — для меня толчок к внутренним раздумьям и обострению внимания к жизни. В зависимости от характера персонажа я стремлюсь обогатить его теми или иными собственными наблюдениями, внести штрихи, отсутствующие в пьесе. Мне всегда нужно знать, во имя чего существует мой герой и как его словами, его поведением подвести к тому, что мы утверждаем в данном фильме, спектакле, против чего выступаем. Зритель должен ощущать жизненную по-

стойчивым против различных передергиваний быта, я имею представление об армейских и флотских характерах, способных оказывать немалое воспитательное воздействие на молодежь. Как почти в каждой советской семье, гордящейся своими родственниками-воинами, и в нашем роду есть кумир — мой дядя, фронтовик, танкист, генерал-майор. О жизни военнослужащих, моих сверстников, могу судить по подполковнику Андрею Миронову.

— То есть?..

— Да, да, служит такой на Дальнем Востоке — мой родственник и тезка; а его младший брат, капитан Владимир Миронов, несет службу на афганской земле, в составе ограниченного контингента советских войск.

Ну и, конечно, свои краски дают шутки, поездки к воинам. Правда, иные из моих коллег, впадая в умиленное состояние от молодости армейского зрителя, осыпают его слащавыми, доходящими до елейности словами сочувствия в связи с трудной солдатской службой и забывают, что перед ними уже не беспомощные дети, юнцы, а самостоятельные, физически и нравственно крепкие парни, которым доверено грозное оружие для защиты Родины.

нистра-администратора в «Обыкновенном чуде» и так далее.

— А, помните, с кого все это «безобразие» началось? С негоды Димы Семицетова в фильме «Берегись автомобиля». Тот ранний успех грозил оказаться для меня роковым, можно сказать, обрекал впредь играть только ловкачей, жуликов, пройдох, хотя и не лишенных доли обаяния, а порой благородства. Поначалу в этих острохарактерных ролях мне и самому хотелось, чтобы было посмешнее, позабавнее. Меня